

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ: ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ

М. Е. Кубрикова, kme27@mail.ru

Заднепровский районный суд города Смоленска, г. Смоленск, Россия

Аннотация. Проанализировано влияние внешних и внутренних вмешательств на уголовно-процессуальную деятельность. Установлено, что некоторые изменения российского процессуального законодательства происходили под влиянием извне – постановлений Европейского Суда по правам человека, рекомендаций различных иностранных структур под видом борьбы с коррупцией и терроризмом без учета наших обычаев, исторического опыта, традиционных духовно-нравственных ценностей, что негативно отражается на проведении государством всесторонней суверенной политики. Также установлено, что существенную угрозу самостоятельному развитию национального уголовного процесса представляет внутреннее вмешательство в данную деятельность, происходящее на разных направлениях. Выделены и рассмотрены: коррупция; цифровые технологии; олигархия и крупный бизнес; социальные сети и СМИ. Сделан вывод о том, что исключить какое-либо вмешательство в уголовный процесс невозможно, однако следует оценивать как положительные, так и отрицательные аспекты такого вмешательства в каждом конкретном случае. Процесс суверенизации политики Российского государства должен охватывать и уголовно-процессуальную сферу, имеющую особое значение для обеспечения безопасности нашего государства и общества. Для этого в статье предложено определение уголовно-процессуального суверенитета как разновидности государственного суверенитета.

Ключевые слова: уголовный процесс, суверенитет, вмешательство, коррупция, цифровые технологии, олигархия, социальные сети, СМИ.

Для цитирования: Кубрикова М. Е. Уголовно-процессуальный суверенитет: понятие и значение // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2026. Т. 26. № 2. С. 19–27. DOI: 10.14529/law260203.

Original article
DOI: 10.14529/law260203

CRIMINAL PROCEDURE SOVEREIGNTY: CONCEPT AND SIGNIFICANCE

М. Е. Kubrikova, kme27@mail.ru

Zadneprovsky District Court of the city of Smolensk, Smolensk, Russia

Abstract. The influence of external and internal interference on criminal procedural activities has been analyzed. It has been established that some changes in Russian procedural legislation have been influenced by external factors, such as rulings from the European Court of Human Rights and recommendations from various foreign organizations, which have been implemented under the guise of combating corruption and terrorism without taking into account our customs, historical experience, and traditional spiritual and moral values, which has had a negative impact on the state's ability to pursue a comprehensive and sovereign policy. It has also been established that internal interference in the national criminal process, which occurs in various areas, poses a significant threat to the independent development of the national criminal process. The following issues are highlighted and discussed: corruption; digital technologies; oligarchy and big business; social networks and the media. It is concluded that it is impossible to exclude any interference in the criminal process, but it is necessary to assess both the positive and negative aspects of such interference in each specific case. It is also concluded that the process of sovereigntization of the Russian state's policy should also encompass the criminal procedure sphere, which is of particular importance for ensuring the security of our state and society. To this end, the article proposes a definition of criminal procedure sovereignty as a type of state sovereignty.

Keywords: criminal proceedings, sovereignty, interference, corruption, digital technologies, oligarchy, social networks, the media.

For citation: Kubrikova M. E. Criminal procedure sovereignty: concept and significance. *Bulletin of the South Ural State University. Series "Law"*. 2026. Vol. 26. no. 2. pp. 19–27. (in Russ.) DOI: 10.14529/law260203.

Понятие «суверенитет» является одним из центральных в теории государства и права, характеризует государство как независимое от внешних и внутренних вмешательств. Примечателен научный плюрализм подходов к содержанию суверенитета (государственный, национальный, народный, политический, внутриполитический и внешнеполитический, экономический, технологический, информационный и даже ценностный).

В Большом юридическом словаре государственный суверенитет определяется как верховенство государственной власти на всей территории страны и ее независимость во внешней сфере [1, с. 720].

Рассматривая уголовный процесс как вид государственной деятельности, можно обозначить разновидность государственного суверенитета – уголовно-процессуальный. Определение его понятия и значения является нашей целью при написании данной статьи.

Для достижения поставленной цели проанализируем влияние внешних и внутренних вмешательств на уголовно-процессуальную деятельность.

Внешнее вмешательство в уголовный процесс.

Л. В. Головкин в своей монографии «Государство и его уголовное судопроизводство» выделяет три направления внешнего вмешательства в институциональную организацию государства их национального уголовного судопроизводства:

1) официальное процессуальное вмешательство (постановления Европейского Суда по правам человека, решения Комитета по правам человека ООН);

2) официальное непроцессуальное вмешательство (Всеобщая декларация прав человека, принятая резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН; рекомендации Комитета министров Совета Европы);

3) неофициальное вмешательство (иностранные уголовно-процессуальное законодательство; Группа по разработке финансовых мер противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма; Управление ООН по наркотикам и преступности) [5, с. 77].

Ответной мерой российского законодателя на такое внешнее вмешательство в уголовно-процессуальную сферу стало изменение в конце 2020 года процессуального законодательства (ч. 3 ст. 1 УПК РФ), закрепившего приоритет Конституции РФ над международными договорами и решениями международных судов в случае их противоречия основам, закрепленным в Конституции РФ. В дополнение к этому конституционные новеллы 2020 года, беспрецедентные антироссийские санкции, проведение специальной военной операции в своей совокупности свели влияние внешних факторов на уголовный процесс современной России к минимуму, исключив на ближайшую перспективу так называемый вектор «на все западное».

Между тем в основе действующего российского уголовно-процессуального законодательства, сформировавшегося в конце 1990-х – начале 2000-х гг., сохраняется прозападная концепция «ограниченного вмешательства государства» [12], рассматривающая уголовный процесс как технологию правосудия, имеющую своим назначением защиту одних лишь частных интересов, которая не вписывается в рамки современной национальной политики по укреплению Российского государства и общества.

Некоторые изменения российского процессуального законодательства происходили под влиянием постановлений Европейского Суда по правам человека, рекомендаций различных иностранных структур под видом борьбы с коррупцией и терроризмом.

Займствуя процессуальный опыт других стран без учета наших обычаев, исторического опыта, традиционных духовно-нравственных ценностей, мы одновременно с этим заимствовали и их ошибки, и их недостатки. Думается, данные обстоятельства могут свидетельствовать о недостаточной независимости и самобытности национального уголовного процесса, что негативно отражается на проведении государством всесторонней суверенной политики.

Для уголовно-процессуальной науки стала традиционной критика УПК РФ с позиций

его противоречивости и неэффективности. Но сама по себе критика без выяснения первопричин не даст положительных результатов. Представляется верным начать с того, чтобы определить, какой уголовный процесс мы хотим иметь в нашей стране, какие результаты мы ожидаем получить от уголовно-процессуальной деятельности. Для этого необходимо на законодательном уровне сформулировать определение понятия «уголовный процесс», поставить перед лицами, осуществляющими уголовно-процессуальную деятельность, правильные цель и задачи с учетом интересов личности, общества и государства в равной мере [9].

Сама по себе практика Конституционного и Верховного судов РФ, ориентирующая на соблюдение баланса частных и публичных интересов, без соответствующего изменения процессуального законодательства не даст должного эффекта.

Также, на наш взгляд, требуется провести мониторинг уголовно-процессуального законодательства в рамках общей тенденции суверенизации политики Российского государства, акцентировав внимание на процессуальных институтах особого порядка судопроизводства, прекращения уголовного дела по нереабилитирующему основанию с назначением судебного штрафа и рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей в районных судах.

Сокращенное производство по делу и суд с участием присяжных заседателей были регламентированы еще в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года, на некоторых идеях которого до сих пор основывается современное процессуальное законодательство. Однако жизнь людей, их морально-нравственное воспитание за более чем 160 лет значительно изменились. Как следствие, рассматриваемые процессуальные институты в современных условиях развития государства и общества уже не отличаются той эффективностью, как прежде.

Так, в особом порядке лицо может быть осуждено за преступление, которое оно не совершало [3]. Решение о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию с назначением судебного штрафа принимается формально без должной оценки влияния такого процессуального решения в дальнейшем на общество и государство в целом, о чем, например, было указано в определении Судебной

коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 2 мая 2024 г. № 12-УДп24-2К6. Трудности собрать коллегию присяжных заседателей, неоднократные рассмотрения судом первой инстанции одного и того же дела в связи с отменой приговора судом апелляционной инстанции, зачастую по формальным основаниям, – совокупность таких отдельных случаев подрывает доверие общества целиком к уголовному процессу, работе правоохранительных органов, авторитету судебной власти, не обеспечивает в равной степени интересы потерпевшего, подсудимого, общества и государства, а по большей части гарантирует лишь исключительное право подсудимого на такой вид судопроизводства.

Тот факт, что решения по делам, рассматриваемым в особом порядке, а также прекращаемым по нереабилитирующему основанию с назначением судебного штрафа, стали отменяться, в том числе по инициативе прокуроров, привел к тому, что количество таких дел стало сокращаться [13]. Суды предпочитают рассмотреть дело в общем порядке с исследованием всех доказательств. Однако с институтом рассмотрения дела с участием присяжных заседателей ситуация складывается значительно сложнее. Суды не вправе отказать в ходатайстве подсудимого о таком виде судопроизводства. Рассмотрение и разрешение такого уголовного дела затягиваются на несколько лет. Суд с участием присяжных заседателей малоэффективен, особенно на уровне районного звена. Причин тому несколько:

1) затруднительно собрать коллегию присяжных. По нашему мнению, этому способствует то, что какая-либо воспитательная работа по формированию у граждан правосознания (выполнение гражданского долга, ответственность перед обществом) для участия в качестве присяжных заседателей не проводится; не осуществляется дополнительная проверка граждан при формировании списков кандидатов в присяжные заседатели, в результате чего в них попадают, например, лица из числа сотрудников правоохранительных органов и судов, а также лица, фактически проживающие и работающие в других регионах, находящиеся на СВО; на территории некоторых регионов организация рассмотрения дела с участием присяжных заседателей и вовсе невозможна (территория военных действий, малонаселенные и труднодоступные места в Сибири и на Дальнем Востоке);

2) необъективность присяжных заседателей, поскольку граждане, которые привлекаются судом в большинстве случаев, особенно по резонансным делам, имеют заранее определенное мнение по делу, которое сформировалось не в ходе судебного разбирательства, а в процессе широкого обсуждения в средствах массовой информации и в сети Интернет.

До тех пор, пока не будут оценены достоинства и недостатки, целесообразность и разумность распространения порядка рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей на районные суды, необходимо рассмотреть вопрос о наложении моратория на применение данной нормы.

Внутреннее вмешательство в уголовный процесс.

Существенную, по нашему мнению, угрозу самостоятельному развитию национального уголовного процесса представляет внутреннее вмешательство в данную деятельность, происходящее на разных направлениях. Выделим следующие: коррупция; цифровые технологии; олигархия и крупный бизнес; социальные сети и СМИ.

На каждом из этих направлений остановимся подробнее.

Коррупция захлестнула все сферы жизни общества. Отмечается стойкая тенденция увеличения преступлений коррупционной направленности.

Так, в первом квартале 2025 года рост числа коррупционных преступлений в сравнении с первым кварталом 2024 года составил 24 %. По целому году ситуация обстоит не лучше: в 2024 году количество таких преступлений увеличилось на 5,7 %, чем в 2023 году. Коррупционных преступлений, совершенных организованными группами и преступными сообществами, в первом квартале этого года зарегистрировано на 46,5 % больше, чем в первом квартале 2024 года. В свою очередь, увеличение таких преступлений в 2024 году в сравнении с 2023 годом составило 12,8 % [4].

По данным Генеральной прокуратуры РФ за пять лет с коррупционеров взыскали денежные средства и имущество на 800 млрд руб. Стоимость арестованного имущества и изъятых ценностей превышает размер материального ущерба, причиненного коррупционными преступлениями [4].

Вместе с тем, на наш взгляд, вышеприведенные статистические данные о количестве

преступлений указывают на низкую эффективность конфискации в борьбе с коррупцией. Несмотря на многомиллиардные изъятия, коррупция в нашей стране не снижается.

Очевидно, что уголовно-процессуальная сфера не является исключением. К сожалению, в качестве обвиняемых по таким делам становятся и оперативные сотрудники, и следователи, и прокурорские работники, и судьи, получающие взятки за действие или бездействие в служебной деятельности в пользу взяткодателей.

Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин обоснованно указывает, что коррупция подрывает основы правового государства. Для борьбы с этим явлением необходима комплексная профилактика и антикоррупционная экспертиза в нормотворчестве, что будет способствовать восстановлению веры в справедливость и укрепит институты власти [10].

Цифровые технологии в настоящее время стали повсеместными. Расширение сфер применения привело к их фактическому использованию и в повседневной уголовно-процессуальной деятельности, а также к изменениям процессуального законодательства (стало возможным подавать документы и получать их копии в электронном виде, появилась видео-конференц-связь и др.).

В этой связи Л. Н. Масленникова и Т. А. Топилина выделяют два направления по применению цифровых технологий в сфере правосудия: оцифровка (например, документ сканируется и сохраняется в системе электронного файла) и цифровизация (например, составление процессуальных документов в электронной форме; видеопотоколирование и видеомоделирование; использование видео-конференц-связи) [11].

Вместе с тем влияние цифровых технологий на уголовный процесс имеет как плюсы, так и минусы.

С одной стороны, цифровые технологии облегчают и ускоряют процесс:

- выявления и раскрытия преступлений (например, использование данных с камер видеонаблюдения, возможностей искусственного интеллекта в обработке видеозаписей и поиске лица, объявленного в розыск);
- расследования уголовных дел (например, использование электронных баз данных, направление запросов и поручений посред-

вом электронной почты, факсимильной связи, применение цифровой техники при проведении следственных действий);

– рассмотрения уголовных дел и материалов в судах (например, подача документов в электронном виде посредством ГАС «Правосудие», проведение судебных заседаний с использованием системы видеоконференцсвязи, доступность судебных решений, опубликованных на официальных сайтах судов).

С другой стороны, цифровые технологии, порой, препятствуют нормальному ходу уголовно-процессуальной деятельности. В качестве примеров можно привести: периодические сбои в работе Интернета, кибератаки на серверы МВД и судов, проблемы с защитой персональных данных и соблюдением конфиденциальности, спрос на использование видео-конференц-связи превышает возможности судов по ее организации (как правило, одна система на весь суд).

Очевидно, сегодня представить уголовный процесс без цифровых технологий невозможно, но одновременно с этим следует проработать и меры борьбы с негативными рисками, которые они в себе таят.

Олигархия и крупный бизнес. В первом квартале 2017 года в открытом доступе в сети Интернет были опубликованы для обсуждения широкой общественностью предложения по реформированию судебной системы, подготовленные двумя аналитическими центрами. Причем один из них возглавляет А. Л. Кудрин – доктор экономических наук (!), а второй – Б. Ю. Титов – владелец и основной акционер Группы компаний «Абрау-Дюрсо» (!), являющийся также Уполномоченным при Президенте РФ по защите прав предпринимателей. Необходимость реформирования, по их мнению, вызвана тем, что «стереотип обвинительного уклона в деятельности судов, нередко закрывающих глаза на недобросовестную подготовку дел, фальсификацию доказательств обвинения органами дознания и следствия, превращает суды, по сути, в одну из правоохранительных структур» [6].

5 сентября 2019 г. на Восточном Экономическом Форуме во Владивостоке бизнесмен О. Дерипаска высказался о том, что работа российской судебной системы не устраивает предпринимателей, препятствует переводу бизнеса в национальную юрисдикцию, поскольку в судах общей юрисдикции количество оправдательных приговоров – 2 %. Также

он указал, что «если у нас на сегодняшний день 60 % судей формируются из состава помощников судей и фактически секретарей, то это достаточно закрытая элитарная группа, которая не то что неадекватно оценивает, что происходит в экономике, но и неадекватно выносит решения» [7].

Важно, что так или иначе эти умозаключения узкой, но влиятельной группы лиц находят свое определенное закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве. Так, с 2009 года отмечается устойчивая дифференциация уголовного судопроизводства по делам о преступлениях в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. В результате, как верно отмечает П. Г. Сычёв, предпринимателям необоснованно предоставляются широкие процессуальные привилегии [15, с. 4].

Особую озабоченность в этой связи вызывает разбалансированность между судебными решениями и действиями законодателя, которая по конкретным уголовным делам «формирует в обществе негативную реакцию по отношению к принципам справедливости правосудия и равенства всех перед законом и судом» [15, с. 6].

Так, Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ в УК РФ была введена статья 159.4 «Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности», признанная в последующем Постановлением Конституционного Суда РФ от 11 декабря 2014 г. № 32-П не соответствующей Конституции РФ. Поскольку по истечении шестимесячного срока со дня провозглашения указанного постановления федеральный законодатель не внес в УК РФ надлежащие изменения, ст. 159.4 с 12 июня 2015 г. утратила силу.

Согласно положениям ч. 5 ст. 79 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» суды общей юрисдикции при рассмотрении дел после вступления в силу постановления Конституционного Суда РФ не вправе руководствоваться нормативным актом или отдельными его положениями, признанными этим постановлением Конституционного Суда РФ не соответствующими Конституции РФ.

Вопреки данному требованию суды общей юрисдикции продолжали выносить судебные решения, квалифицируя действия подсудимых по ст. 159.4 УК РФ, признанной

неконституционной, поскольку на основании ст. 10 УК РФ, в целях обеспечения прав подсудимых, совершенные до 12 июня 2015 г. деяния не могут квалифицироваться по ст. 159 УК РФ, предусматривающей более строгое наказание. В подтверждение этому можно привести кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 июня 2019 г. № 20-УД19-9.

Последовавшие жалобы потерпевших в Конституционный Суд РФ положительного результата не дали, поскольку, как указал Конституционный Суд РФ в своем определении от 29 сентября 2020 г. № 2026-О, утрата ст. 159.4 УК РФ (устанавливающей более мягкую ответственность по сравнению с общей нормой ст. 159 УК РФ) юридической силы на будущее не исключает ее применения в отношении лиц, совершивших предусмотренное ею преступление в период ее действия.

В свою очередь, федеральным законодателем Постановлением Конституционного Суда РФ от 11 декабря 2014 г. № 32-П было исполнено лишь спустя полтора года, когда Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ в ст. 159 УК РФ все-таки была введена ч. 5, предусматривающая преступность и наказуемость мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, если это деяние повлекло причинение значительного ущерба.

Социальные сети и СМИ играют важную роль в популяризации правоохранительных органов и судов, способствуют снижению уровня правовой неграмотности общества, но одновременно с этим несут в себе разрушительную силу.

Пример из практики. Судья, который председательствовал на процессе по делу актера П. Устинова, обвинявшегося в применении насилия к бойцу ОМОНа на несогласованной акции, столкнулся с «откровенной травлей» в СМИ и социальных сетях. В этой связи пресс-служба суда была вынуждена сделать соответствующее заявление о том, что приветствуют взвешенные и ответственные аналитические рассуждения, однако содержание ряда публикаций следует расценивать не иначе, как неприемлемое вмешательство в деятельность по осуществлению правосудия, проявление неуважения к суду, провокации в адрес судьи федерального суда [2].

Следует пояснить, что указанное уголов-

ное дело имело большой общественный резонанс. В поддержку П. Устинова выступили актеры, общественные деятели и журналисты. Первоначально суд не приобщил к делу видеозапись задержания и приговорил П. Устинова к трем годам в колонии. Впоследствии кадры были приобщены к делу, а приговор изменен Московским городским судом, подсудимому был назначен один год лишения свободы условно с испытательным сроком два года.

Опираясь на подобные истории, участники процесса искренне считают, что публичность имеет значение, а потому выстраивают свои тактики и контртактики определенным образом. Адвокаты все чаще прямо предлагают клиентам давать информацию в СМИ, журналисты получают огромное количество запросов на освещение того или иного дела [8, с. 77]. Как следствие, в правовой сфере даже появился термин «скандализация» правосудия, означающая манипуляцию общественным мнением в отношении судебной власти и необоснованную критику, которая подрывает доверие граждан к судам [14].

В подобных случаях Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 гг., одобренная Советом судей РФ 5 декабря 2019 г., предполагает организацию незамедлительного и эффективного реагирования через другие средства массовой информации и иными способами для защиты репутации судебных органов и их представителей. При возникновении споров не исключается возможность обращения за их разрешением в Общественную коллегию по жалобам на прессу.

В контексте нашей статьи интересным является исследование преподавателя НИУ «Высшая школа экономики» И. А. Чернявского о влиянии медиа на вердикты присяжных. На основе анализа 185 вердиктов по уголовным делам и 1620 упоминаний об этих уголовных делах в СМИ были получены следующие результаты:

1) увеличение доли обвинительных упоминаний в деле повышает вероятность обвинительного вердикта;

2) увеличение доли обвинительных упоминаний по делу повышает вероятность отсутствия снисхождения в обвинительном вердикте [16].

Тем самым важно отметить, что позиция присяжных заседателей по делу формируется не во время судебных заседаний при исследо-

вании материалов уголовного дела, а вне суда под влиянием мнений и точек зрения, опубликованных в интернете, выраженных при обсуждении случившегося в коллективах, сообществах. По резонансным делам граждане приходят в суд уже с заранее сформированным предубеждением к подсудимым, правоохранительным органам, судам.

Резюмируя изложенное, думается, что исключить какое-либо вмешательство в уголовный процесс невозможно. Между тем на вышеприведенных примерах становится ясно, что любое направление того или иного вмешательства имеет как положительные, так и отрицательные аспекты, которые должны получать надлежащую оценку в каждом конкретном случае.

Процесс суверенизации политики Российского государства должен охватывать и уголовно-процессуальную сферу, имеющую особое значение для обеспечения безопасности нашего государства и общества. Для лучшего осуществления этого процесса следует

сформулировать дефиницию: уголовно-процессуальный суверенитет как разновидность государственного суверенитета – это независимость и самобытность уголовного процесса, который:

– является результатом самодостаточного мышления и критического взгляда на международно-правовые правила;

– гарантирует защиту и уважение интересов личности, общества и государства в равной мере;

– опирается на традиционные для государства и народа ценности, исходя из их национальных интересов, исторического опыта, традиций и новаций.

По нашему мнению, понятие уголовно-процессуального суверенитета должно найти свое закрепление не только в научной доктрине, но и на законодательном уровне, что будет способствовать формированию правосознания лиц, ответственных за принятие законов и за их применение. Важно помнить, что без суверенного уголовного процесса невозможно сильное государство.

Список источников

1. Борисов А. Б. Большой юридический словарь. М., 2010. 848 с.
2. В Мосгорсуде заявили об «откровенной травле» судьи по делу Устинова. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5d92212a9a794738821ca550>.
3. Веницкий Л. В., Кубрикова М. Е. Рассмотрение гражданского иска по выделенному уголовному делу // Уголовный процесс. 2023. № 3 (219). С. 88–91.
4. Генпрокуратура раскрыла данные о коррупции. URL: <https://www.rbc.ru/society/16/06/2025/6837ed979a79471aa4b6c83d>.
5. Головкин Л. В. Государство и его уголовное судопроизводство: монография. М., 2022. 464 с.
6. Дать вольную Фемиде: рецепты реформирования судебной системы от Алексея Кудрина и Бориса Титова. URL: <https://share.google/MR7A7ztbgsTSO1gcN>.
7. Дерипаска заявил, что российская судебная система не устраивает бизнес. URL: <https://share.google/v70PdvfzewGhWwUEC>.
8. Казун А. П. Между хайпом и справедливостью: могут ли СМИ влиять на результаты судебного процесса? // Социодиггер. 2021. Т. 2. Выпуск 1-2 (7). Доверие. С. 69–77.
9. Кубрикова М. Е. Уголовный процесс: понятие и назначение // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2025. Т. 25. № 3. С. 7–13.
10. Лекция Председателя Конституционного Суда В. Д. Зорькина: «Коррупция – угроза цивилизации права». URL: <https://share.google/otc8WWFi0yJBPEeT2>.
11. Масленникова Л. Н., Топилина Т. А. Особенности доказывания в условиях цифровой трансформации современного уголовного судопроизводства // Право и политика. 2025. № 7. С. 72–83.
12. Мизулина Е. Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993. 32 с.
13. Судебный штраф: проблемы законодательного регулирования и практики применения. URL: <https://share.google/LrZiRraHbwjwX5tDY>.

14. Судьи предложили наказывать СМИ за давление и необоснованную критику. URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/12/2019/5de86f879a7947ce9a8277f0>.

15. Сычѳв П. Г. Дифференциация российского уголовного судопроизводства по делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности: тенденции и перспективы: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. 65 с.

16. Чернявский И. А. Медиа и уголовное судопроизводство: влияние медиа-фреймов на вердикты суда присяжных в России // Журнал «Бизнес. Общество. Власть». 2018. № 1 (27). С. 116–135.

References

1. Borisov A. B. *Bolshoi yuridicheskii slovar* [A large legal dictionary]. Moscow, 2010, 848 p.
2. *V Mosgorsude zayavili ob «otkrovennoi travle» sudi po delu Ustinova* [The Moscow City Court has announced that the judge in the Ustinov case is being openly harassed]. Available at: www.rbc.ru/rbcfreenews/5d92212a9a794738821ca55.
3. Vinitzky L. V., Kubrikova M. E. [Consideration of a Civil Claim in a Separate Criminal Case]. *Ugolovnij protsess* [Criminal proceedings], 2023, no. 3 (219), pp. 88–91. (in Russ.)
4. *Genprokuratura raskrila dannie o korruptsii* [Prosecutor General's Office revealed data on corruption]. Available at: www.rbc.ru/society/16/06/2025/6837ed979a79471aa4b6c83d.
5. Golovko L. V. *Gosudarstvo i yego ugovnoe sudoproizvodstvo* monografiya [The State and Its Criminal Proceedings]. Moscow, 2022, 464 p.
6. *Dat volnuyu Femide: retsepti reformirovaniya sudebnoi sistemi ot Alekseya Kudrina i Borisa Titova* [Freeing Themis: Alexey Kudrin and Boris Titov's Recipes for Reforming the Judicial System]. Available at: share.google/MR7A7ztbgsTSO1gcN.
7. *Deripaska zayavil, chto rossiiskaya sudebnaya sistema ne ustraivaet biznes* [Deripaska said that the Russian judicial system does not satisfy business]. Available at: share.google/v70PdvfzewGhWwUEC.
8. Kazun A. P. [Between Hype and Justice: Can the Media Influence the Outcome of a Trial?]. *Sotsiodigger* [Sociodigger], 2021, Vol. 2, Issue 1-2 (7). Trust, pp. 69–77. (in Russ.)
9. Kubrikova M. E. [Criminal procedure: concept and purpose]. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*. [Bulletin of the South Ural State University. Series: Law], 2025, Vol. 25, no. 3, pp. 7–13. (in Russ.)
10. *Lektsiya Predsedatelya Konstitutsionnogo Suda V. D. Zorkina: «Korruptsiya – ugroza tsivilizatsii prava»* [Lecture by the Chairman of the Constitutional Court, V. D. Zorkin: "Corruption is a Threat to the Civilization of Law"]. Available at: share.google/otc8WWFi0yJBPEeT2.
11. Maslennikova L. N., Topilina T. A. [Features of Proofing in the Context of Digital Transformation of Modern Criminal Proceedings]. *Pravo i politika* [Law and politics], 2025, no. 7, pp. 72–83. (in Russ.)
12. Mizulina E. B. *Ugolovnyj process: koncepciya samoogranicheniya go-sudarstva: avtoreferat dis. ... d-ra jurid. nauk* [Criminal procedure: the concept of self-restraint of the State. Author's abstract]. Moscow, 1993, 32 p.
13. *Sudebnii shtraf: problemi zakonodatelnogo regulirovaniya i praktiki primeneniya* [Judicial Penalties: Issues of Legislative Regulation and Application Practice]. Available at: share.google/LrZiRraHbwjwX5tDY.
14. *Sudi predlozhili nakazivat SMI za davlenie i neobosnovannuyu kritiku* [Judges have proposed punishing the media for pressure and unfounded criticism]. Available at: www.rbc.ru/politics/05/12/2019/5de86f879a7947ce9a8277f0.
15. Sychev P. G. *Differentsiatsiya rossiiskogo ugovnogo sudoproizvodstva po delam o prestupleniyakh v sfere ekonomicheskoi i predprinimatelskoi deyatel'nosti: tendentsii i perspektivi: avtoreferat dis. ... d-ra jurid. nauk* [Differentiation of Russian Criminal Proceedings in Cases of Economic and Business Crimes: Trends and Prospects. Author's abstract]. Moscow, 2022, 65 p.

16. Chernyavsky I. A. [Media and Criminal Justice: The Influence of Media Frames on Jury Verdicts in Russia]. Zhurnal «Biznes. Obshchestvo. Vlast» [Business. Society. Power magazine], 2018, no. 1 (27), pp. 116–135. (in Russ.)

Информация об авторе

Кубрикова Мария Евгеньевна, кандидат юридических наук, судья, Заднепровский районный суд города Смоленска, г. Смоленск, Россия.

Information about the author

Maria Ev. Kubrikova, Candidate of Sciences (Law), Judge, Zadneprovsky District Court of Smolensk, Smolensk, Russia.

Поступила в редакцию 10 ноября 2025 г.

Received November 10, 2025.